

Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии

Энтина Екатерина Геннадьевна, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Пророкович Душан, Институт международной политики и экономики,
Белград, Сербия

Контактный адрес: entinakat@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Распад Югославии стал одним из ключевых событий постбиполярного миропорядка и занял особое место в дискурсе политиков в Сербии и России. Однако трактовки кризиса, его причин и основных движущих сил, а также его использование в качестве референтного объекта в современных академическом и политическом дискурсах значительно различаются в Сербии и России. Одним из важных сюжетов становится то, что в обеих странах в обоих дискурсах наблюдается сближение радикальных версий, а в меняющейся структуре европейских международных отношений особое звучание приобретает роль внешнего фактора в трагедии распада. В данной статье в русле социал-конструктивистского подхода проводится дискурс-анализ нарративов о югославском кризисе в дискурсе интеллектуалов и политиков в кросс-страновом разрезе. В исследовании сделана попытка деконструировать образы «виноватых» в югославском кризисе и рассмотреть особенности использования образа кризиса в современном политическом дискурсе. Исследуется взаимосвязь формальных дискурсов ученых и политиков в российском и сербском случаях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

распад Югославии, исторический дискурс в политике, новый миропорядок, международные отношения в Европе

Распад Югославии стал одним из центральных и наиболее болезненных проявлений в Европе слома биполярной системы международных отношений. В его ходе странам т.н. коллективного Запада удалось надломить систему международного права, которая на деле обеспечивала (и во многом продолжает сейчас) функционирование многополярного мира. Будучи комплексным процессом, распад Югославии вызвал появление множества трактовок, объяснительных моделей происходящего, имевших разную степень связи с реальностью. Кроме того, дезинтеграционные тенденции в Юго-Восточной Европе были неотделимы от распада Советского Союза: даже хронологически эти процессы происходили одновременно.

Оба этих критически значимых процесса обрели самые различные трактовки в национальной историографии, а также по-своему задействуются политической элитой. Настоящее исследование ставит своей целью показать, как в национальных исследованиях и современном политическом дискурсе в России и Сербии представлены основные подходы к распаду Югославии; что общего, а что различного в выделении ключевых посылов дезинтеграции; как эволюционировали данные оценки со временем. Такая постановка вопроса представляется важной не только с исторической точки зрения, но и под углом предметного политического поля: она дает ответ на вопрос, какова реальная степень общности восприятия сербами и русскими ключевых событий их новейшей истории и как она может влиять на будущее региональных международных отношений.

Проблема трактовки и использования комплексных исторических событий в практической политической жизни как теоретическое междисциплинарное направление по-разному изучена представителями исторической, социологической, культурологической и политологической наук. Применительно к балканскому пространству наибольшее внимание исследователей привлекал вопрос политики памяти о Второй мировой войне в странах бывшей Югославии¹. Предсказуемо значительное место занимают исследования, посвященные феномену югоностальгии². Вместе с тем, при всестороннем подходе к изучению процесса распада Югославии, за рамками исследований остается вопрос о том, каким образом его различные трактовки используются в политическом дискурсе как пост-югославских стран, так и окружающего их мира.

Методологической основой данного исследования стал социал-конструктивистский подход к анализу международных отношений, разработанный А. Вендтом, Д. Кэмпбеллом и др.³ Социал-конструктивистский подход изучает, как международные события и процессы воспринимаются государствами, рассматривает, как идентичность и ценности лиц, принимающих решения, влияют на их восприятие. В качестве частной, дополняющей теории, относящейся к конструктивистской школе, была взята теория критической геополитики, описанная в трудах Дж. Тоала, С. Далби, Дж. Эгню⁴. Теория критической геополитики интересна своим инструментарием, в частности концептом «геополитического

1 Помигуев, Салахетдинов 2021.

2 Popović 2021; Ефременко, Мелешкина 2020; Pavlaković 2020.

3 Wendt 1999; Campbell 1998.

4 Tuathail, Agnew 1992; Tuathail 1986; Dalby, Toal 1998.

воображения» – историко-политической призмой, через которую государство и общество воспринимают события. Кроме того, теория критической геополитики идентифицирует различные типы дискурсов – практический (практиков политического управления), формальный (бюрократии и научных институтов) и популярный (СМИ и носителей массовой культуры). В случае данной статьи представляется весьма интересным преломление распада Югославии в практическом и формальных дискурсах России и Сербии. Особенностью социал-конструктивистского подхода к международным отношениям в целом и теории критической геополитики в частности является их крайняя текстуальность. В связи с этим обоснованным представляется обращение к дискурс-анализу в качестве основного метода исследования.

Отдельно необходимо выделить, что оценки распада СФРЮ и СССР принципиальным образом роднит выделение трех идентичных по эмоциональному посылу нарративов: «социалистический период был не так уж плох», «лихие/кровавые 90-е» и «распад как трагедия». Вопреки наличию всех трех нарративов в общественном дискурсе, в Сербии и по отношению к ней в России на политическом уровне в большей степени закрепился нарратив «распад как трагедия». Это явление как в сербском, так и в российском обществе, в том числе в политических, связано с неудовлетворенностью положением страны на мировой арене, с одной стороны. С другой – его актуализация в последнее десятилетие дополняется еще одним важнейшим обстоятельством – а именно самоидентификацией «непокоренного Западом народа». В данном случае важно и то, что и сербское, и российское руководство глубоко убеждены в том, что сделали максимум зависящего от них в выстраивании диалога с Западом, но не были услышаны и восприняты. В этом смысле за дискурсом «трагедии распада» как в России, так и в Сербии кроется призыв о возвращении к более справедливому, многостороннему и толерантному миру.

Распад Югославии в научном и исследовательском дискурсах современной Сербии

В сербской научной литературе и в публицистике присутствуют два основных дискурса относительно оценок процесса распада Югославии. Первый, который разделяется сравнительно малым количеством прозападных исследователей и экспертов, основан на тезисе, что сербы несут ответственность за все. В доказательство авторы чаще всего опираются на оценки западной историографии и политологии. Матрица подобных выводов однозначна и выработана еще в начале 1990-х гг. Она заключается в следующем: С. Милошевич, будучи националистом, хотел на месте коммунистической Югославии создать «Великую Сербию», для чего цинично использовал сербское население Хорватии и Боснии и Герцеговины, спровоцировал войны и распад страны. События в Косове и Метохии описываются в контексте необходимости проведения этнических чисток и «освобождения Сербии» от албанцев. Главной причиной распада коммунистической (кон)федерации становится сербский национализм¹. Система доказа-

1 Biserko 2012.

тельств этой концепции должна была выстроиться на базе итогов Гаагского трибунала, в первую очередь суда на самом С. Милошевичем¹.

Вне всяких сомнений, как принято утверждать в Хельсинкском комитете по правам человека в Сербии, «сербское национальное движение, усилившееся в 1980-е гг., спровоцировало войны, которые завершились распадом Югославии. В течение 1990-х гг. экстремизм и насилие были прежде всего связаны с государственными акторами, а также с негосударственными, которые формировались силовыми структурами. Они имели различные формы: от сегрегации меньшинств и дискриминации внутри Сербии до преступлений в отношении несербского населения в Хорватии, Косове и Метохии, включая «геноцид» бошняков. Существенную пропагандистскую роль среди организаций правого толка с тех времен и до настоящего времени играют Сербская православная церковь и интеллектуальные круги главных научно-культурных институтов и университетов»².

Л. Перович объясняет развитие сербской национальной идеи в историческом разрезе тем, что основные нарративы зачастую складывались из мифов, а не событий и фактов, что в конечном итоге и приводило к нерациональному выбору на каждом витке истории. Она ставит следующий вопрос: «В отношении сербов... остается ключевым вопрос: в какой степени предшествующая история – и как объективный процесс, и как его понимание и знание о нем – влияла на ориентацию и неадекватную реакцию сербов на вызовы югославского кризиса. О том, что реакция была неадекватной, свидетельствуют тяжелые последствия кризиса для сербского народа»³. Она добавляет, что «на вопрос С. Йовановича отцу В. Йовановичу (1833–1922), родоначальнику идеи либерализма в Сербии и одновременно великому романтику-националисту, почему его поколение настолько превозносило историю, тот ответил, что больше им не от чего было оттолкнуться. Таким образом, миф имел двойную функцию: достроить скудные представления о прошлом и придать смелый взгляд на вызовы будущего»⁴. Проблема нерациональности в сербской политике получает свое развитие и дальше, частично вследствие изменяющейся структуры международных отношений, а частично в результате того, что распад Югославии и сегодня остается незавершенным процессом.

В описанных выше трактовках предполагается, что сербы должны согласиться и с «независимостью Косова», и с искусственно создаваемой «черногорской идентичностью», которые основаны на экстремально антисербских началах (и по своей логике и структуре прямо напоминают конструирование «украинской идентичности» как противостоящей русской). Это также означает, что и современная внешняя политика Сербии требует новых трактовок и подходов. Лучшим подтверждением этого являются категоричные утверждения Н. Самарджича, который в 2018 г. писал: «Отмечая столетие с момента создания первой Югославии и 75 лет – с момента создания второй, давайте зададимся вопросом, частью какого мира мы хотим быть. Европы, цивилизации, демократии и свободы, братства

1 Булатовић 2021, 7.

2 Kisić 2020, 4–5.

3 Perović 2017, 247.

4 Ibid., 203.

и единства или некоего нового Советского Союза, варварства, тирании, политического рабства, разлада с соседями, которые уже давно сделали свой выбор?»¹. Связывая события 1992 и 2022 гг., он резюмирует: «США поддерживали существование Югославии, но ее дальнейшая судьба в 1990 и 1991 гг. полностью зависела от позиции Югославской народной армии и решений, которые в одностороннем порядке принимались в Хорватии и Словении. Из-за войны в Заливе в 1991 г. США, к сожалению, не могли вовремя вмешаться и остановить С. Милошевича и его «машину зла». СССР в начале 1991 г. был вынужден вмешаться в события в Литве, когда стало очевидно, что М.С. Горбачев не реформатор и ему не под силу запустить качественные изменения. СССР распался в конце 1991 г., но его ядро в России не демократизировалось. Историческое проклятие для нас заключалось бы в том, чтобы вновь стать на сторону путинской России»².

Другой дискурс, который также широко распространен, связан с нарративом, что распад Югославии был неминуем. М. Кнежевич описывает этот процесс через формулирование новой категории «развалораспад». М. Булатович, участник тех событий (возглавлял Черногорию, а после был премьером СРЮ), утверждает: «У СФРЮ не было шансов на сохранение в новых международных условиях. Потеря прежнего геополитического значения совпала по времени с обострением внутренних противоречий, что вкупе продемонстрировало отсутствие общегосударственных механизмов сопротивления. Международное посредничество только углубляло кризис и провоцировало гражданскую войну. Развал СФРЮ был осуществлен в пику международному праву, поэтому последствия были не только тяжелыми и болезненными, но и стратегически губительными»³. Очень похожую трактовку М. Булатович развивает и во введении к своей книге «Правила молчания»: «Больше не существовало симпатичной игры на противоречиях, ни пространства свободы между ними»⁴.

Немало исследователей считают внутренние пороки и де-факто конфедеративное устройство СФРЮ основной причиной ее распада, подчеркивая, что республики как федеративные единицы в большей степени стремились к проведению своей национальной политики, чем общегославской. «Внутри Союза коммунистов Югославии полтора десятилетия продолжался конфликт двух концепций развития. Одна, во главе с Э. Карделем, отстаивала идею все большей самостоятельности республик. Другая – в лице А. Ранковича – выступала за централизованную федерацию с сильной ролью партии и ограниченным самоуправлением. В результате усилился республиканский национализм, все меньшее значение придавалось революционной морали, все чаще возникали ситуации, свидетельствовавшие о незаинтересованности в государственной целостности, искусственно изображались добрые отношения между республиками»⁵. М. Марич, в свою очередь, указывает: «Коммунисты десятилетиями говорили, что они

1 Nikola Samardžić, "Jugoslavijom protiv Jugoslavije (Yugoslavia Against Yugoslavia)," *Danas*, November 30, 2018, accessed June 6, 2022, <https://www.danas.rs/kolumna/nikola-samardzic/jugoslavijom-protiv-jugoslavije/>.

2 Nikola Samardžić, "Pad berlinskog zida ujedinio je srpske komuniste i nacionaliste (The Fall of the Berlin Wall United Serbian Communists and Nationalists)," *Talas*, November 7, 2019, accessed June 6, <https://talas.rs/2019/11/07/pad-berlinskog-zida-ujedinio-je-srpske-komuniste-i-nacionaliste/>

3 Булатовић 2018, 189.

4 Булатовић 2020, 14.

5 Раковић 2019, 97–98.

должны вечно оставаться у власти, иначе Югославия пропадет в братоубийственной войне. В действительности так и произошло, с той лишь разницей, что, уходя, именно они, а не какая-то оппозиция из эмиграции или международный заговор, подожгли общий дом»¹. В том же ключе размышляет известный сербский историк К. Николич: «Решениями о территориальной организации коммунистических партий, как и решением о формировании отдельных национальных партий, были спроектированы будущие национальные державы, пространство которых в случае Хорватии существенно увеличено, предусмотрены специальные статусы Воеводины и Косова, тогда как сербское национальное пространство поставлено под вопрос. Таким образом, вся политика КПЮ в течение многих лет была направлена на дезинтеграцию страны и создание национальных держав на ее месте»². По мнению М. Степича, «однопартийная система и десятилетиями существовавшая неприкосновенность власти одного человека (включая и созданную им номенклатуру) поддерживали по многим параметрам неадекватное внутреннее политико-территориальное деление Югославии»³.

Одновременно процесс распада Югославии напрямую зависел от внешних факторов, прежде всего западного вмешательства в лице Германии и Австрии, а вскоре вслед за ними – Великобритании и США. Никто из них в сохранении феномена Югославии больше не был заинтересован. Как утверждает Ж. Симич, «кажется, что не может быть никаких сомнений в том, что фактор заинтересованного, системного внешнего вмешательства качественно повлиял (если не инициировал) на растаскивание Югославии на куски. Получилось, что последовательное позиционирование сербской стороны вразрез обозначенным интересам (в данном случае неважно каким) великих сил, их инерционное невнимание или стремления наказать сербское нежелание понять данные интересы и сопротивление их реализации продлили процесс распада и дали толчок к триумфально реализованной поддержке сепаратистских устремлений в Косове и Метохии»⁴. Профессор философского факультета Белградского университета Л. Димич подчеркивает: «Распад Югославии осуществлен методом вооруженной сецессии при системной поддержке международного фактора. Принцип территориальной целостности страны и ее международно признанных границ (Устав ООН, Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе) в случае Югославии не был учтен. Право на самоопределение было истолковано как право на сецессию. Универсальное право народа сведено к федеративным единицам. Вразрез с международным правом, административные границы были признаны государственными. Сербский народ при этом остался вне права на самоопределение. Его желание жить в рамках одной страны попросту проигнорировано»⁵.

Подобным образом описывает процесс и М. Джуркович, научный сотрудник Института европейских исследований. «Необходимость в Югославии на международной арене отпала, поскольку в 1985 г. Горбачев начал перестройку и процесс окончания “холодной войны”, фактически развернув СССР к Западу

1 Marić 1997, 80.

2 Николич 2018, 578.

3 Степич 2004, 9.

4 Симич 2015, 170.

5 Димич 2018, 131.

и отвернувшись от прежних восточноевропейских сателлитов. С того момента началась и подготовка к постепенной ликвидации Югославии, во что в большей или меньшей степени включились западные силы... С самого начала сербам была отведена роль плохих парней как единственным, кто сопротивлялся процессу развала»¹. Много написано и о роли Германии, а заодно с ней – Австрии, в ускорении процесса распада. К. Чавошки причины австро-германских подходов видит в исторических параллелях, в частности в отношении Австро-Венгрии к сербскому вопросу: «По убеждениям австро-венгров, которые в первой Югославии и позже делили подданных двойной монархии, всякое требование сербов, касающееся изменения границ малой Сербии, утвержденных по итогам Берлинского конгресса 1878 г., является излишним и неоправданным. А единственное, на что сербы могут претендовать, это границы т.н. докумановской Сербии»². Поэтому континентализм, геополитический подход к пониманию власти в средней Европе, свойственный немцам, неминуемо ведет к территориальному разделению сербов³.

Ссылаясь на нерадужную историю двусторонних отношений, М. Экмечич называет Германию «географическим неприятелем Сербии», подчеркивая тем самым, что действия канцлера Г. Коля в 1990-е гг. были не исключением, а нормой немецкой внешней политики в регионе⁴. В. Димитриевич указывает на роль Ватикана: «Посреди кровавой войны, несмотря на то что он прекрасно понимал ситуацию, Папа дал полномочия своему государственному секретарю 26 ноября 1991 г. вручить на Конференции по безопасности и сотрудничеству меморандум с требованием признать Словению и Хорватию в границах АВНОЮ (Антифашистского вече народного освобождения Югославии). В меморандуме, помимо всего прочего, говорилось: «Святой престол выражает сожаление по поводу ожесточенной борьбы в Хорватии и призывает сообщество государств вновь рассмотреть необходимость уважения права на независимость народов Хорватии и Словении и народов, которые хотели бы реализовать такое право»⁵. В книге «Развал югославского государства 1989/1992 – преступление против мира» М. Булайич заключает: «Решение о развале югославского государства запустил Ватикан – святой престол меморандумом КБСЕ 26 ноября 1991 г.; после чего на встрече Иоанна Павла II с немецким министром Г. Геншером 29 ноября 1991 г. в Ватикане было принято решение, что это должно произойти до католического Рождества 25 декабря 1991 г.»⁶. М. Кович суммирует: «Югославия развалилась в результате изменения отношений между великими силами, из-за внешнего фактора, а не вследствие природной слабости югославской идеи. Экономическая, медийная, дипломатическая и военная поддержка сецессионизма может развалить любую страну. История это постоянно подтверждает еще с восемнадцатого столетия»⁷.

1 Ђурковић 2018, 482.

2 Чавошки 2018, 135.

3 Пророковић 2012, 456.

4 Екмечић 2010.

5 Димитријевић 2011, 260.

6 Ibid.

7 Ковић 2018, 612.

На Балканах, этих 5% легко разгорающегося европейского пространства, переплетаются три цивилизационных круга, четырнадцать народов и четыре религии¹. Поэтому внешним силам легче управлять таким пространством через кризисы. С. Самарджич указывает, что в этом смысле в поведении ЕС за прошедшие три десятилетия мало что изменилось: «ЕС трансформировался внутренне, серьезно расширился, но “главное направление” его деятельности в отношении распада Югославии осталось тем же: оно полностью совпадает с немецким, британским и американским видением»².

Интересны крайние позиции представителей обоих существующих в сербской научной литературе дискурсов. Точно так же, как среди идейных продолжателей первого дискурса есть авторы, которые прямо или косвенно указывают на Сербскую православную церковь или ведущие околосударственные интеллектуальные круги как несущих основную ответственность за «сокрытие истины» и «пропаганду мифов», так и среди сторонников второго дискурса немало тех, кто любых несогласных с их позицией рассматривает как «руку коллективного Запада». С. Стойичевич считает этот феномен неотъемлемой частью активности тех, кто превращает историю в часть гибридной войны³. В случае с Сербией они получили повсеместное распространение, а их деятельность поддерживает вопрос о распаде Югославии и югославском кризисе конца XX в. в политической повестке.

Специфика оценок распада Югославии в научных трудах российских авторов

Распад Югославии в российской научной литературе (особенно его причины и ход югославского кризиса) изучен весьма детально. Вместе с тем вряд ли можно отрицать, что на конструировании нарративов о югославском кризисе серьезным образом отразились распад самого СССР и внешнеполитический курс на сближение с ЕС и США, взятый новым российским руководством. Отношение к процессам, происходящим в России, напрямую проецировалось на понимание как самого распада Югославии, так и роли внешнего фактора в нем. Подобно сербской историографии, в российской также можно выделить два доминирующих дискурса о распаде Югославии. Первый артикулирован отечественными балканистами. Он сформирован на основе заключения о том, что, как и в случае с Советским Союзом, при всей важности внешнего фактора, основное значение в распаде Югославии имели внутренние причины. Прежде всего это глубокий экономический кризис и рост роли и амбиций республиканских этнократий, которые сделали необратимой полную деградацию системы самоуправления. В работах сотрудников Института славяноведения РАН – В.К. Волкова⁴, К.В. Никифорова⁵, Е.Ю. Гуськовой⁶ – упор делается на сочетании внутренних и внешних

1 Кнежевић 2013, 86.

2 Самарџић 2008, 21.

3 Стојићевич 2015, 25.

4 Волков 1994.

5 Никифоров 2002.

6 Гуськова 2001.

факторов распада Югославии. Особую роль этнополитическим факторам отводит М.Ю. Мартынова. Профессор МГИМО Е.Г. Пономарева акцентирует: «Крах режима, а вместе с ним и федерации, был обусловлен деперсонификацией федеральной власти, что стало непреодолимой помехой для реформирования системы... Более того, социально-экономические, этнополитические и этноконфессиональные конфликты между представителями разных наций и народов достигли в Югославии такого уровня, при котором территориальное и системное единство стало в принципе невозможным»¹.

Наконец, свою интерпретацию дезинтеграции Югославии предлагает С.А. Романенко², который считает, что важнейшей причиной распада Югославии явилось прежде всего совпадение процесса развития национального самоопределения народов Югославии с кризисом тоталитаризма, то есть распределительной экономики в форме «самоуправленческого социализма», однопартийной политической системы как несущей конструкции этнотерриториальной федерации и, наконец, тотальной системы военно-бюрократического контроля, ядром которой была Югославская Народная Армия (ЮНА)³.

Существенное значение имеет то, что с течением времени внутри по-прежнему довольно взвешенной трактовки феномена распада Югославии особый акцент приобретает роль внешнего фактора. Чаще всего это проявляется в статьях российских международников, например, Ф.А. Лукьянова, А.П. Цыганкова, Д.В. Суслова, объясняющих структурные сдвиги международных отношений на перекрестке веков. Примечательно, что эта позиция очень близка по сути (хотя направлена на выделение иных смыслов) радикальным трактовкам распада Югославии, присутствующим у переведенных на русский язык сербских исследователей. Яркий пример – монография В. Джуретича «Развал Югославии»⁴.

Однако наибольшую важность в рассматриваемой проблеме приобретает вопрос о роли России в югославском кризисе и ее интерпретации в отечественных исследованиях и аналитике. При общем единстве взглядов на то, что Россия в тот период продемонстрировала известную слабость, сведя к минимуму свое влияние на балканские процессы, в деталях картина существенно разнится. Е.Ю. Гуськова определяющее значение отдает роли А.В. Козырева на посту министра иностранных дел: «Козырев противопоставлял себя тем, кто пытался говорить о национальных интересах на постсоветском пространстве... министр просто разыгрывал сербскую карту, чтобы удержаться в своем кресле»⁵. Не скрывая уничижительных оценок А.В. Козырева, А.Л. Адамишин, бывший в 1992–1994-х гг. первым заместителем министра иностранных дел, пишет уже применительно к посткозыревскому периоду в 1999 г.: «Члены альянса нарушили и свой собственный устав..., и основополагающий акт Россия – НАТО, заключенный в 1997 г. Экономика страны – заводы и электростанции, нефтехранилища, мосты и дороги, системы связи – была покалечена. Погибли тысячи людей. Несмотря на это, в определенный момент стало очевидным, что насилие бессильно. И тогда

1 Пономарева 2007, 33–34.

2 Романенко 1998, 159–178.

3 Кирьяков, Волкова 2007.

4 Джуретич 2003.

5 Гуськова 2022.

выступила Россия, но с какой миссией? Помочь американцам выйти из тупика, заставить Милошевича принять условия НАТО. В конце концов сломали границы уже в самой ослабленной Сербии – она потеряла часть своей территории Косово, историческую родину сербской нации»¹.

А.А. Пивоваренко, Е.Г. Энтина и Д. Новакович в валдайском докладе «Куда идут Балканы?» указывают: «Со времён Петра I, когда были установлены дипломатические отношения с Черногорией, Россия накопила солидный опыт взаимодействия с Балканами. Однако инструменты, которые находились со второй половины XIX в. в арсенале Российской Империи, а затем Советского Союза, оказывались все менее применимы к стоявшим задачам. Наконец, к началу 1990-х гг. они практически полностью истощились»². Одновременно авторы полагают, что предпосылки для прагматичных и в целом позитивных отношений со Словенией и Хорватией в 2000–2010-е гг. сложились не в последнюю очередь благодаря тому, что Москва признала независимость обеих республик в числе первых.

Следствием наложения процессов распада СССР и СФРЮ и по времени, и во многом по содержанию стало то, что в научной среде сформировались комплексные объяснительные модели того, что происходило в каждой из стран. При этом вряд можно говорить, что они являются базой для создания дискурсов в отношении феномена распада Югославии у политических элит. Частично это объясняется культурой взаимодействия власти и научной элиты, сложившейся в постсоветский период, но в большей степени – тем, что подавляющее большинство российского политического истеблишмента было активно вовлечено в практическую политическую деятельность еще в 1990-е гг. и имеет собственный, пусть и селективный, нарратив о распаде балканского пространства.

Нарратив распада Югославии в современной сербской политике

Конструирование нарративов и исторических парадигм неслучайно основывается не на самом ряду событий, а на их желаемой интерпретации в соответствии с актуальными (гео)политическими целями. Кризис в отношениях коллективного Запада и России (в определенной степени и Китая), который вошел в интенсивную фазу к 2014 г. (с пиком в первом квартале 2022), только углубил разрыв между двумя идеологическими группами в Сербии. Первые разделяют точку зрения, согласно которой действия России необходимо осудить, вторые – что СВО на Украине – логичный ответ на вызовы коллективного Запада. При этом М. Ломпар отмечает, что вопреки немногочисленности сторонников первой группы медийное пространство, находящееся в их распоряжении, практически никак не ограничено, поскольку значительная часть медиа и неправительственных организаций имеют финансовую поддержку западных фондов³. С другой стороны, медийный простор для сторонников второй группы очень узок. Одна-

1 Адамишин 2017.

2 Энтина, Е.Г., Пивоваренко, А.А., Новакович, Д. Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России // Международный дискуссионный клуб «Валдай». Октябрь 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/21567/> (дата обращения: 11.05.2022).

3 Ломпар 2017.

ко их позиция имеет несопоставимо большую популярность среди населения и в политических кругах.

Ключевым периодом трансформации обоих дискурсов можно считать 2008 г. Во-первых, при поддержке Запада косовские албанцы в одностороннем порядке провозгласили независимость. Этим шагом был дезавуирован тезис о том, что косовский кейс связан с проблемой демократии, а не решением национального вопроса, а также до некоторой степени нивелирован постулат, что в 1999 г. Югославия подверглась бомбардировкам НАТО из-за массового нарушения прав албанцев. Наиболее распространенной даже в либеральной среде в Сербии становится трактовка, что акция НАТО имела геополитические цели и была направлена на территориальную рекомпозицию на Балканах. С того момента сначала все чаще, а затем и исключительно так о бомбардировках начинают говорить как об агрессии, а не о военной интервенции.

Во-вторых, мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. приводит к торможению евроинтеграции и снижению объемов западных инвестиций на Балканах наряду с усилением и активизацией Китая и России. Вкупе это вызывало ослабление влияния США и ЕС в Сербии, а вслед за этим – и импульсов, придававших жизнеспособность первому дискурсу. Позиция представителей государственной власти все больше основывается на взглядах сторонников второго дискурса. В значительной мере она становится и официальной позицией государства. В этом контексте центральной датой оказывается 24 марта – день годовщины начала бомбардировок СРЮ силами НАТО. Это принципиально отличает сегодняшнюю ситуацию от положения в Сербии 2008 г., когда премьер-министр В. Коштуница оказался фактически единственным, кто открыто заявлял, что «теперь более чем очевидно, что разрушение Сербии силами НАТО имело одну цель – превратить край Косово и Метохию в первое НАТО-государство в мире»¹.

Четырнадцать лет спустя президент Сербии А. Вучич заявил, что «Сербия должна подпитывать, возвращать культуру памяти в отношении своих героев, ведь если не делать этого, то не будет и оснований ожидать добра и великих дел от других». И добавил: «не испытываем ненависти к обидчикам, но не позволим, чтобы наши жертвы были забыты, как и само преступление»².

Примечательно, что заявления сербского президента нередко бывают противоречивы. В интервью *Wall Street Journal* в мае 2015 г. он сказал, что Сербия извлекла уроки из 1990-х гг., поняв, что произошедшее ее ослабило. «Я видел последствия выбранного пути. Знаю, как подобное сознание функционирует. Помню, каким я был. Нам нужно сохранить мир. Еще одна ошибка означала бы самоубийство»³.

Однако открытым остается вопрос о том, какие последствия могут вызывать подобные заявления. Здесь уместно сравнение с высказываниями по поводу

1 Војислав Коштуница, "Циљ бомбардовања Србије стварање прве НАТО државе на свету (The Aim Of The Bombing Of Serbia Is To Create The First NATO State In The World The Aim Of The Bombing Of Serbia Is To Create The First NATO State In The World)," Влада Републике Србије, March 24, 2008, accessed July 5, 2022, <https://www.srbija.gov.rs/vest/85262/cilj-bombardovanja-srbije-stvaranje-prve-nato-drzave-na-svetu.php>.

2 Александар Вучић, "Не мрзимо целате али не дозвољавамо да се злочин над нама заборави (We Do Not Hate The Executioners But We Do Not Allow The Crime Against Us To Be Forgotten)," Политика, April 23, 2022, accessed July 5, 2022, <https://www.politika.rs/scc/clanak/502960/Vucic-o-bombardovanju-Ne-mrzimo-dzelate-ali-ne-dozvoljavamo-da-se-zlocin-nad-nama-zaboravi>.

3 "Vučić za Vol Strit Džurnal: Srbija zaslužuje nagradu (Vucic for Wall Street Journal: Serbia Deserves an Award)," N1, May 9, 2015, accessed July 11, 2022, <https://rs.n1info.com/vesti/a58834-vucic-za-wall-street-journal/>.

годовщины событий в Сребренице в июле 2015 г.¹ Создаваемый западным сообществом нарратив, по сути, сводится к тому, что это был геноцид. Несомненно, само присутствие сербского президента на годовщине много значило для утверждения подобного нарратива (вопреки тому, что тогда визит закончился скандалом – в сербского премьер-министра бросали камнями). Вместе с тем жесты сербского покаяния никоим образом не повлияли ни на официальные решения сербских государственных органов в отношении преступлений, совершенных в Сребренице, ни на изменение дискурса среди сербской общественности, последовательно отрицающей квалификацию событий как геноцид. Более того, в 2021 г. сам А. Вучич заявил, что, пока он президент, «Сербия не примет резолюцию о Сребренице»². В упомянутом выше интервью А. Вучич подчеркивал, что не видит себя во главе Сербии в 2020-е гг., однако потом выдвигал свою кандидатуру на выборы и в 2017, и в 2022 г. В целом его заявления иностранным СМИ, а также заявления по поводу региональных вопросов очень сложно обобщать и приводить к единому знаменателю, поскольку очевидно, что они меняются в зависимости от целевой аудитории и политического момента. Вследствие этого же политический дискурс сербского лидера в очень небольшой степени влияет на реальные политические решения и действия. Так же как в сербском парламенте не была принята резолюция о Сребренице, так не обсуждался и вопрос об изменении отношения к событиям 1990-х гг. Напротив, одно из последних заявлений А. Вучича: «Я знаю, что мы не ангелы, но думаю, что ключевым фактором в разорении Югославии был внешний. Перекладывать всю вину на Милошевича безответственно»³.

Министр внутренних дел А. Вулин вторит ему: «Те, кто хотел уничтожить Сербию бомбардировками в 1999 г., в действительности уничтожили международное право, и сегодня у них нет права требовать от Сербии забыть о том, кто был ее другом тогда», недвусмысленно указывая на роль России и Китая⁴. Чуть ранее в 2017 г. министр иностранных дел И. Дачич, говоря об агрессии НАТО, подчеркивал: «Это военные преступники, помните это и передавайте из поколения в поколение. Я не боюсь говорить это в Вашингтоне. Я – министр иностранных дел Сербии, и мое дело – отстаивать интересы Сербии. Мы не боремся против Приштины, которая хочет отобрать у нас Косово и Метохию, мы боремся против других, более мощных атак и сил, которые участвовали в развале Югославии»⁵.

А. Брнабич, премьер-министр Сербии, открывая международную научную конференцию по случаю 20-й годовщины бомбардировок Югославии, заявила: «Не надо напоминать Сербии о ее ошибках. Мы о них помним, но бомбардировки

1 "Serbian Leader Vucic Pays Respects To Srebrenica Massacre Victims," Radio Free Europe, November 11, 2015, accessed July 11, 2022, <https://www.rferl.org/a/bosnia-srebrenica-serbia-vucic-memorial-massacre/27358092.html>

2 "Vučić: dok sam ja predsednik u Srbiji neće biti rezolucije o Srebrenici (Vucic: As Long As I Am President In Serbia There Will Be No Resolution On Srebrenica)," Radio Slobodna Evropa, June 20, 2021, accessed July 11, 2022, <https://www.slobodnaevropa.org/a/vu%C4%8Di%C4%87-rezolucija-srebrenica-srbija/31317073.html>

3 "Vučić: Spoljni faktor bio ključan za raspad Jugoslavije, siguran sam da ne treba da priznemo Kosovo (Vucic: External Factor Was Key To The Breakup Of Yugoslavia, I Am Sure We Should Not Recognize Kosovo)," Espresso, November 28, 2021, accessed July 11, 2022, <https://www.espresso.co.rs/vesti/politika/923989/vucic-spoljni-faktor-razorio-jugoslaviju>

4 Aleksandar Vulin, "Oni koji su pokušali da ubiju Srbiju, ubili su međunarodno parvo (Those Who Tried To Kill Serbia Killed The International Parvo)," Danas, March 24, 2022, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/politika/vulin-oni-koji-su-pokusali-da-ubiju-srbiju-ubili-su-medjunarodno-pravo/>

5 Ивица Дачић, "Бомбардовање Србије је ратни злочин над народом (The Bombing Of Serbia Is A War Crime Against The People)," РТВ, December 4, 2017, accessed July 11, 2022, https://www.rtv.rs/_lat/politika/dacic-bombardovanje-srbije-je-ratni-zlocin-nad-narodom_875393.html

1999 г. были ошибкой других, не граждан Сербии, которые в конце XX в. стали жертвой тех, вместе с кем воевали в обе мировые войны за правду и свободу. Во имя будущего было бы важно, чтобы и они помнили о своих ошибках»¹. Член Президиума Биг от Республики Сербской М. Додик в рамках торжественного заседания, посвященного 22-й годовщине бомбардировок, оценивал, что «бомбардировки НАТО Сербии и Республики Сербской ясно отражают отношение к сербскому народу. Это отношение выражается в уничтожении народа кассетными бомбами и бомбами с обедненным ураном во имя цели, которую они сами же себе поставили: смена власти, распространение демократии»².

Таким образом, распад Югославии в современном политическом дискурсе Сербии завязан на конкретную символическую дату – 24 марта, день начала бомбардировок – и выражен через оценки причин и характера «развалораспада» Югославии, в которых однозначно превалирует роль внешнеполитического фактора.

На такое положение дел влияло и общественное мнение. Например, в исследовании «Демостат» 2020 г. об информированности граждан о военных преступлениях на вопрос «какой народ понес наибольшие жертвы в 1990-е гг.» из 74% отвечавших, 54% указали сербов, 15% – бошняков, 5% – хорватов. По мнению 31% опрошенных, самыми большими преступниками являются хорваты, 15% – албанцы, 6% – бошняки, 4% – сербы. С утверждением, что Сербия должна компенсировать ущерб, который армия и полиция причинили гражданскому населению в ходе вооруженных конфликтов, согласны 24%, более 55% против, 21% не определились³.

Причины падения доверия граждан Сербии к ЕС связаны не только с торможением евроинтеграции, но и с деятельностью Запада по финансовой поддержке первого дискурса и обеспечению его информационного освещения. По сути, если одним из условий вступления в ЕС для сербов является принятие нарратива исключительной вины, то такой ЕС сербам не нужен. Исследование агентства ИПСОС показывает, что количество граждан, выступающих против присоединения к ЕС, больше (44%), чем тех, кто за (35%)⁴. По этой же причине постоянно высока поддержка России. Это доказывается и ее взрывным ростом после начала российской СВО на Украине. Опрос НСПМ показывает, что 84% не поддерживают введение санкций против России, а против вступления в НАТО – еще больше (88,1% при 4,3% тех, кто за)⁵. Таким образом, не принятые ни обществом, ни политическими элитами итоги и трактовки распада Югославии привели к обострению в сербской повестке дня вопроса о справедливости и дальнейшем пути развития.

1 Ana Brnabić, "Svesni smo svojih grešaka, ali bombardovanje 1999. godine nije bila naša greška (We Are Aware Of Our Sinner, Or The Bombing Of 1999. God Is Not Our Sin)," *Danas*, March 22, 2019, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/politika/brnabic-svesni-smo-svojih-gresaka-ali-bombardovanje-1999-godine-nije-bila-nasa-greska/>.

2 Milorad Dodik, "Skup: Dan sećanja na stradale u NATO agresiji: Ne treba da sudimo, već da se setimo (Day Of Remembrance Of The Victims Of NATO Aggression: We Should Not Judge, But Remember)," *Danas*, March 24, 2021, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/skup-dan-secanja-na-stradale-u-nato-agresiji-ne-treba-da-sudimo-vec-da-se-setimo/>.

3 Biševac Safeta, "Građani uglavnom neobavešteni o ratovima devedesetih i nacionalno pristrasni (Citizens Mostly Uninformed About The Wars Of The Nineties And Nationally Biased)," *Danas*, December 22, 2020, accessed July 11, 2022, <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/suocavanje/gradjani-uglavnom-neobavesteni-o-ratovima-devedesetih-i-nacionalno-pristrasni/>.

4 "Drastičan pad podrške ulasku Srbije u Evropsku uniju: Gde treba tražiti 'krivce'? (The Drastic Fall Of The Sub-Greek Ulasku Serbia In The European Union: We Must Fight The 'Culprits')," April 23, 2022, accessed May 12, 2022, <https://www.021.rs/story/Info/Srbija/303820/Drastican-pad-podrske-ulasku-Srbije-u-Evropsku-uniju-Gde-treba-traziti-krivce.html>.

5 "Резултати истраживања (Research Results)," НСПМ, July 31, 2022, accessed August 10, 2022, <http://www.nspm.rs/istrazivanje-javnog-mnjenja/srbija-leto-2022-protivljenje-uvodjenju-sankcija-rusiji-porasio-sa-822-na-84-odsto.html>.

Фактор распада Югославии в российском политическом дискурсе о миропорядке

В политическом дискурсе российского руководства югославский кризис и распад как поворотные события в отношениях России и Запада возникают уже после 1999 г. При этом дискурс был (и остается) связан не столько с самими событиями вокруг Югославии, сколько с изменением контуров миропорядка, сложившегося по итогам холодной войны, а также тем, что российское руководство постепенно начало осознавать, что построить российско-европейские отношения на равноправной основе так, как ее понимала Москва, вряд ли удастся.

Важным является и то, что в российском политическом дискурсе имеют-ся всего две точки в процессе распада Югославии – это 1991 г. как погружение страны в череду кровавых гражданских войн и 1999 г. как поворотный момент в современной истории международных отношений. Между ними на уровне политического дискурса не существует ни оценок эволюции российской позиции, ни мозаики самого распада Югославии, ни длительного периода санкций ООН в отношении страны, ни оценок личности С. Милошевича и первой «цветной» революции в Европе, произошедшей 5 октября 2000 г. Упрощение современного периода в истории российско-сербских отношений до двух пиковых точек объяснимо: довольно длительное время официальная Москва шла в фарватере западноевропейских позиций по вопросу происходящего в Югославии и ее бывших республиках (пусть и в более мягком варианте), не считая события в регионе «красной линией» для себя. Примечательно, что это было характерно вплоть до последнего времени, когда на вступление отдельных республик бывшей Югославии в НАТО российское политическое руководство реагировало сдержанно. Этим объясняется и довольно легкий переход от обоснования происходившего в Югославии и вокруг нее системными факторами к выделению роли внешнего фактора в трагедии распада страны.

При этом К.В. Никифоров, на наш взгляд, прав, когда пишет, что в начале 2000-х гг. и 24 марта 1999 г. как точка отсчета «нового времени» для российской дипломатии еще не существовала. Нарратив о внешнем факторе в распаде Югославии, как и факт несанкционированных бомбардировок СРЮ силами НАТО, закрепляются в политическом дискурсе значительно позже – со второй половины 2000-х гг. Это подтверждается и двойственной позицией российского руководства в отношении событий весны 1999 г., когда Москва категорически осуждала бомбардировки, понимая, что они разрушают миропорядок, основанный на примате решений ООН, при этом на практике демонстрируя готовность оказывать влияние на Белград. Премьер-министр Е.М. Примаков дословно выражает эту позицию: *«Это не просто эпизодик, не просто агрессивный удар по какой-то стране. Это удар по всему миропорядку, который установился после Второй мировой войны... Мы всячески даем понять, что готовы в любое время способствовать переговорам. Переговорам с Милошевичем. Мы готовы оказывать влияние, просить быть более гибкими югославскую сторону. И так далее. Мы готовы.*

Но при определенных условиях. Первое из них – немедленное прекращение бомбардировок»¹.

Очень похожим образом рассуждает в то время директор ФСБ В.В. Путин. В интервью программе «Здесь и сейчас» от 13 мая 1999 он говорит: «Мы знаем, как началась Первая мировая война. Вторая мировая война. Сейчас напрашиваются эти трагические аналогии... Я считаю, что это очень опасная ситуация: опасность заключается не только в том, что гибнут люди... Трагедия более масштабна... *На сегодняшний день группа государств пытается сломать сложившийся после Второй мировой войны миропорядок...* Эти договоренности были заложены в основу ООН. ООН устранена от решения данной проблемы. И именно это мне и кажется самым опасным делом... У нас с Китаем есть общее понимание, что межэтнические конфликты не могут быть решены с помощью силы... Наши международные акции, акции гуманитарной помощи, дипломатическое давление, работа с нашими сторонниками в самих странах НАТО... Мне не очень понятны действия лидеров некоторых стран Запада (имея в виду экономические потери, которые они несут в связи с уходом с рынка Югославии)... Европе-то зачем терять эти деньги? У России много рычагов влияния на ситуацию, но это не значит, что мы должны ввергнуть нашу страну, особенно в том состоянии, в котором она находится, в боевые действия... У нас достаточно внутренних проблем»².

Одновременно с этим жесткую позицию в отношении сербов занял назначенный в апреле 1999 г. спецпредставителем президента РФ по урегулированию конфликта в Югославии В.С. Черномырдин. Он резко парировал призывы лидера КПРФ Г.А. Зюганова, считавшего необходимым оказать помощь Белграду. В.С. Черномырдин так трактует ситуацию в Белграде десять лет спустя, в 2010 г.: «Он (Зюганов) предлагал помочь сербам оружием, добровольцами. Но не надо забывать, что у нас 20 млн мусульман... Могли ли мы в то время поставлять оружие, вмешиваться? Ведь что сделал Милошевич: он предложил вдруг войти в состав России, когда все полыхало, когда их бомбили.... А где ж ты раньше был, когда все было нормально? Что ты раньше не обратился, чтобы Югославия вошла в состав России? Ты ж не просто молчал, ты нам еще и козни строил... Мы это уже проходили. Первая мировая война началась оттуда, с Балкан. С Сербии, кстати. А кончилась чем? Конец Первой мировой войны, кто о Сербии знал?... Россия только 7 млн положила. А Сербия где была? Сербия как была, так и осталась. О ней никто даже и не вспоминал никогда. Да и знать-то не знали. *Что ж нам, опять повторить?»*³.

В свою очередь, В.В. Жириновский у стен американского посольства в Москве 25 марта 1999 скандировал: «США ведут себя так же, как Гитлер. Он захватывал по частям Европу и устанавливал свой порядок. Единственные, кто оказывал и будут оказывать сопротивление, – это славяне, в основном сер-

1 *Примаков, Е.М.*: «Бомбардировки в Югославии – это то удар по всему мироустройству, по стране, которая решает свою внутреннюю проблему. И это нужно немедленно прекратить» // Газета «Правда». 25 марта 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravda.ru/news/world/904142-evgenii_primakov_bombardirovki_v_jugoslavii_eto_udar_po_vsemu/ (дата обращения: 12.07.2022).

2 *Здесь и сейчас.* Владимир Путин о кризисе в Югославии // OPT. 13 мая 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/XRC7RHaF0j8> (дата обращения: 12.07.2022).

3 *Черномырдин, В.С.*: Когда Югославию стали бомбить, Милошевич попросился в состав России // В гостях у Дмитрия Гордона. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OT4i1O5cZ4M> (дата обращения: 12.07.2022).

бы. Американцы глубоко ошибаются, что сербы и русские могут испугаться... Вы боитесь нас – и русских, и сербов, – потому что понимаете, что это закат Америки. Что больше у вас никогда не будет никаких побед. Вы нам всем показали, что разницы нет между шириной Клинтона и вашими бомбами. Вы – зверье, а не люди»¹.

Примечательно, что никто из российского руководства в 1999 г. не связывал факт бомбардировок Югославии с началом ее распада в 1991 г., не упоминая ни внешний фактор, ни трагедию оказавшегося разделенным сербского народа. Это привело к тому, что кризис в Косово и последовавшая за ним агрессия НАТО в СРЮ стали восприниматься как частный эпизод, межэтнический конфликт, во многом связанный как с текущей политикой С. Милошевича, так и с совершенными им просчетами на предыдущем витке югославского кризиса. Как следствие, возникала развилка: часть политического спектра рассматривала кризис в Косово как удар, который Россия должна расценить максимально серьезно. Другая – как очередную балканскую проблему, исторический цикл, вмешаться в который Москва не может в силу глубоких внутренних проблем. При этом и та, и другая часть истеблишмента видела основную задачу России в том, чтобы удержаться в качестве переговорщика по событиям вокруг Югославии при любом раскладе – пусть и в роли того, кто оказывает влияние на Белград. Данная задача действительно была важной: с учетом незавидной роли России на первом этапе югославского кризиса в начале 1990-х гг., оказаться вне переговорного пространства по Косово означало утратить немногочисленные возможности реального права голоса в европейских делах. Вышеперечисленное дает нам право утверждать, что 1999 г. как «точка невозврата» в отношениях России и Запада была установлена в качестве броского политологического конструкта несколько позднее самого кризиса в Косово. Прямого отношения к российско-сербскому историческому взаимодействию это не имело. В случае же успешности российско-американских и российско-европейских отношений 2000-х гг., на который рассчитывала российская политическая элита, бомбардировки СРЮ в обход резолюции СБ ООН так и остались бы одной из страниц истории.

Практика политических решений это в целом доказывает: в 2001 г. Москва в инициативном порядке выступает с предложением совместно с Вашингтоном оказать отпор растущему терроризму. В 2002 г. Россия в развитие отношений с НАТО переходит в рамках Рабочего совета Россия – НАТО к новой, более приемлемой для Москвы, переговорной формуле «члены НАТО + 1». В 2003 г. российский миротворческий контингент выводится из Косово и Метохии, вслед за чем менее чем через год, в марте 2004 г., следуют погромы сербского населения края. Из интервью Е.М. Примакова М. Лазанскому, известному сербскому военному журналисту, послу в России в 2019–2021 гг.: «Русские войска после войны 1999 г. первыми вошли в Косово. Первыми вы и ушли с Косово. Часть политической общественности в Сербии ставит это вам в упрек. Почему вы ушли из Косово? – Россия ввела свои войска в Косово, опираясь на резолюцию Совета

1 Жириновский о бомбёжке в Югославии. [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/1350165071252> (дата обращения: 12.07.2022).

Безопасности ООН. А вывела их из Косово, потому что не хотела брать на себя ответственность за ситуацию, далекую от стабилизации, несмотря на ввод сил КФОР. При этом из вашего вопроса складывается впечатление, что в этой ситуации Сербия должна была сохранять пассивную позицию, а Россия должна была все за нее сделать. Полагаю, что это неправильно и не честно»¹.

В 2009 г. Москва поддерживает перевод переговоров между Белградом и Приштиной из-под крыла ООН под эгиду ЕС. В период с 2000 по 2019 г. – сдержанно реагирует на вступление в НАТО Словении, Хорватии, Черногории, Македонии, а также не возражает против сближения Сербии с Альянсом.

Дискурс о внешнем факторе в распаде Югославии появляется у российского политического руководства после 2014 г., с каждым последующим годом становясь острее. В интервью телерадиокомпании «Радио и Телевидение Словения» накануне государственного визита в 2015 г. Д.А. Медведев говорит: «Давайте спросим, например, в России, у молодежи: кто помнит такую страну, как Югославия? Я думаю, что большинство молодых людей уже с трудом припомнят, что такая страна была на карте Европы. В то же время, естественно, все знают, ездят, любят, дружат с государствами, которые образовались на базе бывшей страны. Это был очень тяжелый, трудный, очень болезненный и, к сожалению, не мирный процесс... я надеюсь, нам через некоторое время не придется в таком же ключе вспоминать, что было такое государство, которое называлось Украина. А существование Украины в настоящий момент зависит от мудрости, терпения, такта, склонности к компромиссу и желания договариваться всех тех, кто принимает решения на территории Украины. Я имею в виду и власти в Киеве, я имею в виду и политические силы на юго-востоке»².

Из выступления С.В. Лаврова по случаю годовщины бомбардировок НАТО: «Безусловно, югославская история была связана с желанием продвигать НАТО на восток, поближе к границам Российской Федерации. В этом нет никаких сомнений»³.

На молодежном форуме «Территория смыслов» в 2021 г. министр обороны РФ С.К. Шойгу: «Мы не имеем права быть слабыми. Если мы будем слабыми, то произойдет то, что произошло в той же Сирии, Ливии, Югославии и многих других странах. Со многими руководителями, которые потом попали в Гаагский трибунал, мне, не буду скрывать, посчастливилось и повезло работать вместе. Это и Милошевич, и Караджич, генерал Младич. Кого-то уже нет. Но они тогда в последний момент поняли, что страна разлагается изнутри. И внутри создано настроение, система – такая, что ее довольно сложно удержать. Все это была большая целенаправленная работа, когда из одной страны, Югославии, получилось шесть государств»⁴.

Летом 2020 г. в выступлении президента В.В. Путина звучит прямое указание на то, как принималось решение по переброске российских десантников в Косо-

1 Примаков, Е.М.: Раздел Косово – единственное решение // Српска.ру. 05 сентября 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://srpska.ru/article.php?nid=17879&> (дата обращения: 12.07.2022)

2 Интервью Дмитрия Медведева телерадиокомпании «Радио и Телевидение Словения» // РТВ Словения. 24 июля 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/19011/> (дата обращения: 12.07.2022).

3 20 лет операции против Югославии. Интервью Сергея Лаврова НТВ // НТВ. 20 ноября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/video/1713841/> (дата обращения: 12.07.2022).

4 Глава Минобороны Шойгу рассказал о причинах распада Югославии // Страница «Мой Путин» Вконтакте. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-75625515_2441055?ysclid=l4cip4dn4k84129255 (дата обращения: 12.07.2022).

во и взятии приштинского аэродрома «Слатина» в 1999 г., вошедшее в современную историю России как первый смелый шаг в пику интересам западного мира: «Как оно (решение взять аэропорт) принималось, могу сказать. Я был тогда секретарем Совета безопасности. Ко мне пришел начальник Генерального штаба, тогда генерал Квашнин, и он мне сказал о том, что вот есть такая идея – захватить этот аэропорт (“Слатина”). На вопрос “Зачем?” он ответил, что ясно, что нам придется оттуда когда-то уйти, но будет чем торговаться... *А я ему так и сказал: “Если ты это считаешь целесообразным, так и делай”*»¹. В связи с этим возвращение к слатинскому кризису актуально для президента РФ – оно, как одно из его первых самостоятельных решений в качестве политика, стало символом и предтечей дальнейшего внешнеполитического курса, направленного на восстановление российской великодержавности.

Наконец, в конце 2021 г. В.В. Путин вводит в политический оборот популярный у историков, изучающих позднесоветский период, тезис о том, что на пространстве бывшего СССР силовой вариант распада имел бы еще более катастрофические последствия: «Трагический пример Югославии говорит о том, что если бы с нами произошло то, что произошло с Югославией, последствия для России – имея в виду характер русского человека, и не только русского, но вообще всех проживающих народов на территории России, – у нас, может быть, противостояние было еще более жестким и кровавым, чем в результате распада Югославии»².

Таким образом, вопреки очень небольшому значению Балканского региона в приоритетах внешней политики России, тема судьбы балканских народов, их общности с Россией, а косвенно – ответственности Москвы за него, остается доминантной.

Выводы

Можно утверждать, что сам дискурс о распаде Югославии был в значительной степени, как в России, так и в Сербии, сформирован интеллектуальной и дипломатической элитами, но вне зависимости от этого активно используется на политическом уровне в течение всего времени. В немалой степени обращению к трактовкам и переосмыслению, в том числе в политической риторике, распада Югославии способствовало то, что итог внешней политики 1990-х гг. оказался неудовлетворительным как для России, так и для Сербии. Также внимание к проблематике дезинтеграции югославской федерации в России подстегивается осознанием самостоятельной роли Москвы в трансформирующейся системе миропорядка, формулирование которой затруднительно без появления разделяемых и понятных обществу итогов конца XX в.

Сербский и российский дискурсы о распаде Югославии во многом различны. Сербский формальный дискурс продвигает образ мученического сербского народа, потерпевшего национальную катастрофу по вине внутренних и внешних

1 Путин рассказал о решении взять косовский аэропорт «Слатина» в 1999 году // РИА Новости. 14 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200614/1572908486.html> (дата обращения: 12.07.2022).

2 Путин предположил, что было бы к Россией в случае «югославского сценария» // РИА Новости. 12 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20211212/rossiya-1763350071.html> (дата обращения: 12.07.2022).

недоброжелателей: коммунистов, австрийцев и немцев, католиков, НАТО. Позиционирование сербов как народа, исключенного из системы международного права, перешло из формального дискурса в практический. События 1999 г. представляются исключительно как неприкрытая агрессия Североатлантического альянса с целью отторжения сербской территории. И формальный, и практический дискурсы Сербии воспроизводят один большой нарратив: в югославской трагедии виноваты враги сербского народа, желавшие и желающие его уничтожения.

Российский дискурс отличается от сербского взятием на себя ответственности. Нарратив слабости России во время югославского кризиса служит инструментом снятия великодержавной вины российского государства, бросившего братский народ в беде и не сыгравшего определяющей роли в разрешении конфликта. Примечательно, что в ходе самого югославского кризиса бездействие России оправдывалось обращением к исторической памяти и образу Балкан как «пороховой бочки Европы». Слабость России представлялась как разумная сдержанность, оправданная горьким историческим опытом Первой мировой войны. Тем самым имплицировалась вина Сербии за русскую трагедию начала XX века.

Восстановление России в качестве великой державы привело к переосмыслению югославской трагедии. Она стала использоваться как один из примеров несправедливости постбиполярного западного миропорядка и символ лицемерия Запада. Вину за югославскую трагедию российские политики также возлагали на Запад. В то же время в российском формальном дискурсе давалась более трезвая оценка событий, указывались недостатки югославской социалистической системы, которые привели к развалу. Подобное расхождение говорит об отсутствии травмы в российском обществе о югославском кризисе; здесь нельзя не согласиться с высказыванием Д.А. Медведева, что большинство российской молодежи даже не слышало о существовании такой страны.

Вместе с тем, общность стоящих и перед сербским, и перед российским обществами задач – в частности, переход на следующий виток мирового развития со всем комплексом проблем «разделенного народа» – делает закономерным рефренное обращение к тематике распада федераций. Это же закладывает необходимость системного и глубокого изучения процессов распада СФРЮ и СССР как типологически схожих и во многом комплементарных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Адамишин, А. Югославская прелюдия // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 6. – Т. 15 – С. 186–201.

Adamishin, Anatoly. "Yugoslavskaya prelyudiya." *Russia in Global Affairs* 15, no. 6 (2017): 186–201 [In Russian].

Волков, В.К. Трагедия Югославии. // Новая и новейшая история. – 1994. – № 4. – С. 11–32.

Volkov, Vladimir K. "Tragediya Yugoslavii". *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4 (1994): 11 – 32 [In Russian].

Гуськова, Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995) / отв. ред. З.В. Кли-

менко. – СПб.: Владимир Даль, 2022. – 462 с. <https://doi.org/10.31168/93615-275-7>.

Gus'kova, Elena Yu. *Vneshnyaya politika Rossii v gody yugoslavskogo krizisa (1985–1995)*, edited by Z.V. Klimenko. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022 [In Russian].

Ефременко, Д.В., Мелешкина, Е.Ю. Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 78–100. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

Efremenko, Dmitry V., and Elena Yu. Meleshkina. "Yugoslav Metanarrative and Contemporary

Yugonostalgia in Western Balkan Countries." *Political Expertise: POLITEX* 16, no. 1 (2020): 78–100 [In Russian].

Кирьяков, Ю.С., Волкова, Е.Г. Факторы распада СФРЮ и СССР: сравнительно-типологический анализ // Судьба России: вектор перемен: материалы Междунар. науч. конф. Т. 1 / под ред. Р.Г. Пихои. – Екатеринбург: М., 2007. – С. 466–486.

Kir'yakov, Yu.S., and E.G. Volkova. "Faktory raspada SFRYu i SSSR: sravnitel'no-tipologicheskii analiz." In *Sud'ba Rossii: vektor peremen: materialy Mezhdunar. nauch. konf. T. 1*, edited by R.G. Pikhoi, 466–486. Ekaterinburg, Moscow, 2007 [In Russian].

Никифоров, К.В. Югославия 1990-х годов: кризис общества и распад государства // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 346–352
Nikiforov, Konstantin V. "Yugoslaviya 1990-kh godov: krizis obshchestva i raspad gosudarstva." In *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii XX veka*, 346–352. St. Petersburg: Aleteiya 2002 [In Russian].

Помигуев И.А., Салахетдинов Э.Р. Политика памяти о Второй мировой войне в бывших республиках социалистической Югославии: символические и коммеморативные аспекты // Вестник РУДН, серия: Политология. – 2021. – Т. 23. – № 4. – С. 659–674. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-659-674>.

Pomiguyev, I.A., and E.R. Salakhettinoy. "The Memory Policy of the Second World War in the Post-Yugoslav Republics: Symbolic and Commemorative Aspects." *RUDN Journal of Political Science* 23, no. 4 (2021): 659–674 [In Russian].

Понамарева, Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). – М.: МГИМОУниверситет, 2007. – 235 с.
Ponomareva, Elena G. *Politicheskoe razvitiye post'yugoslavskogo prostranstva (vnutrennie i vneshnie faktory)*. Moscow: MGIMO-University, 2007 [In Russian].

Романенко, С.А. Распад Югославии: «заговор» или историческая неизбежность? // Полития. – 1998. – № 2. – С. 159–178. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-1998-8-2-159-178>

Romanenko, Sergei A. "Raspad Yugoslavii: 'zagovor' ili istoricheskaya neizbezhnost'?" *Politiya*, no. 2 (1998): 159–178 [In Russian].

Булатовић, Момир. *Неузговорена одбрана*. Београд: Вукотић медиа, 2021.

Bulatovic, Momir. *Unspoken defense*. Belgrade: Vukotić media, 2021 [In Serbian].

Булатовић, Момир. "Зашто Друга Југославија није могла бити спашена и где су границе њеног растакања." *Национални интерес* 33, no. 3 (2018): 189–200. <https://doi.org/10.22182/ni.3332018.10>.
Bulatovic, Momir. "Why the Other Yugoslavia Can Not Be Damaged and Where the End of Its Development." *National Interest* 33, no. 3 (2018): 189–200 [In Serbian].

Джуретич, В. Развал Југославије. Основне теченија 1918–2003 гг. – М.: Кобекс интернешнл, 2003.
Dzhuretich, Veselin. *Razval Yugoslavii. Osnovnye techeniya 1918–2003 gg.* Moscow: Kobeks interneshnl, 2003 [In Russian].

Димитријевић, Владимир. *Граматика екуменизма*. Београд: Романов, 2011.
Dimitrijevic, Vladimir. *Grammar of Ecumenism*. Belgrade: Romanov, 2011 [In Serbian].

Ђурковић, Миша. "Међународни чиниоци и распад Југославије." *Историја једне утопије – књига II*, 477–492. Београд: Catena Mundi, 2018.

Đurković, Miša. "International Factors and the Breakup of Yugoslavia." *In Istorija jedne utopije – knjiga II*, 477–492. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Димић, Љубодраг. "Срби и Југославија." *Историја једне утопије – књига II*, 113–132. Београд: Catena Mundi, 2018.

Đimić, Ljubodrag. "Serbs and Yugoslavia." *In Istorija jedne utopije – knjiga II*, 113–132. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Екмечић, Милорад. *Дуго кретање између клања и орања: историја Србије у новом веку 1492–1992*. Београд: Evro-Giunti, 2010.

Ekmečić, Milorad. *Long Movement between Slaughter and Plowing: History of Serbia in the New Century 1492–1992*. Belgrade: Evro-Giunti, 2010 [In Serbian].

Кнежевић, Милош. *Призма геополитике*. Београд: Институт за геополитичке студије, 2013.

Knežević, Miloš. *The Prism of Geopolitics*. Belgrade: Institute for Political Studies, 2013 [In Serbian].

Ковић, Милош. "Срби и југословенска идеја." *Историја једне утопије – књига II*, 589–612. Београд: Catena Mundi, 2018.

Ković, Miloš. "Serbs and the Yugoslav idea." *In Istorija jedne utopije – knjiga II*, 589–612. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Ломпар, Мило. *Дух самопорицања – прилог критици српске културне политике: У сенци туђе власти*. Београд: Catena Mundi, 2017.

Lompar, Milo. *The Spirit of Self-Denial-Contribution to the Critique of Serbian Cultural Policy: In The Shadow of Someone Else's Authority*. Belgrade: Catena Mundi, 2017 [In Serbian].

Николић, Коста. "Комунисти и југословенска идеја." *Историја једне утопије – књига II*, 558–606. Београд: Catena Mundi, 2018.

Nikolić, Kosta. "Communists and the Yugoslav idea." *In Istorija jedne utopije – knjiga II*, 558–606. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Пророковић, Душан. *Геополитика Србије: положај и перспективе на почетку XXI века*. Београд: Службени гласник, 2012.

Proroković, Dušan. *Geopolitics of Serbia: Position and Perspectives at the Beginning of the XXI Century*. Belgrade: Službeni glasnik, 2012 [In Serbian].

Раковић, Александар. *Црногорски сепаратизам*. Београд: Catena Mundi, 2019.

Raković, Aleksandar. *Montenegrin Separatism*. Belgrade: Catena Mundi, 2019 [In Serbian].

Самарџић, Слободан. *Градња и разградња државе*. Београд: Филип Вишњић, 2008.

Samardžić, Slobodan. *Construction and Breakdown of the State*. Belgrade: Filip Višnjić, 2008 [In Serbian].

Симић, Жељко. *Стање српске духовности*. Нови Сад: Прометеј, 2015.

Simić, Željko. *The State of Serbian Spirituality*. Novi Sad: Prometej, 2015 [In Serbian].

Степић, Миломир. *Српско питање – геополитичко питање*. Београд: Јантар група, 2004.

Stepić, Milimir. *Serbian Question – Geopolitical Issue*. Belgrade: Jantar grupa, 2004 [In Serbian].

Стојичевић, Слободан. *Мрежни рат против Срба*. Београд: Авала прес, 2015.

Stojičević Slobodan. *Network War against the Serbs*. Belgrade: Avala pres, 2015 [In Serbian].

Чавошки, Коста. "Друга Југославија." *Историја једне утопије – књига II*, 133–145. Београд: Catena Mundi, 2018.

Čavoški, Kosta. "Another Yugoslavia." *In Istorija jedne utopije – knjiga II*, 133–145. Belgrade: Catena Mundi, 2018 [In Serbian].

Кисић, Изабела. *Десни екстремизам у Србији*. Београд: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2020.

Kisić, Izabela. *Right-wing Extremism in Serbia*. Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights, 2020 [In Serbian].

Marić, Milomir. "Deca komunizma." In *Mali pojmovnik geopolitike*, edited by Zoran Petrović Piročanac, 79–82. Beograd: Jugoistok – Centar za geopolitičke studije, Institut za političke studije, 1997.

Marić, Milomir. "Children of communism." In *Mali pojmovnik geopolitike*, edited by Zoran Petrović Piročanac, 79–82. Belgrade: Jugoistok – Centar za geopolitičke studije, Institut za političke studije, 1997 [In Serbian].

Perović, Latinka. "Srbi i Srbija u novovekovnoj istoriji. Iskustvo sa drugim narodima." In *Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*, 202–250. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava, 2017.

Perović, Latinka. "Serbs and Serbia in Modern History. Experience with Other Nations." In *Jugoslavija u istorijskoj perspektivi*, 202–250. Belgrade: Helsinški Committee for Human Rights, 2017 [In Serbian].

Biserko, Sonja. *Yugoslavia's Implosion: The Fatal Attraction of Serbian Nationalism*. Belgrade: The Norwegian Helsinki Committee, 2012.

Campbell, David. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

Dalby, Simon, and Gerard Toal, eds. *Rethinking Geopolitics*. New York: Routledge, 1998.

Pavlaković, Vjeran. "Memory politics in the Former Yugoslavia". *Yearbook of the Institute of Central Europe* 18, no. 2 (2020): 9–32. <https://doi.org/10.36874/RIESW.2020.2.1>.

Popović, Milica. *Post-Yugoslav memories as a Resistance Strategy and the Political Significance of Yugonostalgia*. Sciences Po; Univerza v Ljubljani, 2021

Tuathail, Geáird Ó. "The Language and Nature of the 'New Geopolitics' – the Case of US – El Salvador 'relations.'" *Political Geography Quarterly* 5 (1986): 73–85.

Tuathail, Gearóid Ó, and John Agnew. "Geopolitics and discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy." *Political geography* 11 (1992): 190–204.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511612183>.

Сведения об авторах

Екатерина Геннадьевна Энтина,

д.пол.н., профессор, Департамент зарубежного регионоведения Факультета мировой политики и мировой экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17, стр.1; руководитель Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований, Институт Европы Российской академии наук, 125009, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3В.

e-mail: entinakat@gmail.com

Душан Пророкович,

PhD, научный сотрудник, Институт международной политики и экономики, 11103, Сербия, Белград, ул. Македонска, 25.

e-mail: dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г., Пророкович, Д. Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (3). – С. 94–115. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115>

The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia

ABSTRACT

The breakup of Yugoslavia has become one of the key events of the postbipolar world order and has occupied a special place in the discourse in both politicians of Serbia and Russia. However, interpretations of the crisis, its causes and main driving forces, as well as its use as a reference object in contemporary national and political discourse differ significantly in Serbia and Russia. One of the important subjects is that in both countries, at the level of both discourses, there is a convergence of radical versions, and in the changing structure of European international relations, the role of an external factor in the tragedy of disintegration acquires a special sound. In this article, a discourse analysis of narratives of the Yugoslav crisis in academic and political discourse in a cross-country perspective is conducted using a social constructivist approach. The study seeks to deconstruct the images of the "guilty ones" in the Yugoslav crisis and to consider the features of using peculiarities of the crisis image in contemporary political discourse. It explores how the formal discourse of academics further influenced the discourse of politicians in the Russian and Serbian cases.

KEYWORDS

breakup of Yugoslavia, historical discourse in politics, new international order, international relations in Europe

Authors

Ekaterina G. Entina,

PhD, Professor at the School of International Regional Studies,
Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School
of Economics, 119017, Moscow, Malaya Ordynka Street, 17/1;
Director of the Department of Black and Mediterranean sea, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, 125009, Moscow, Mokhovaya street, 11-3
e-mail: entinakat@gmail.com

Dusan Prorocovic,

PhD, Researcher at the Institute of International Politics and Economics, Serbia,
Belgrade, 11103, Makedonska St., 25.
e-mail: dusan@diplomacy.bg.ac.rs

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Entina, Ekaterina G., and Dusan Prorocovic. "The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia." *Journal of International Analytics* 13, no. 3 (2022): 94-115.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115>